

И.А. Поляков

Краснов-Власов

Воспоминания

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
И11

И11

И.А. Поляков

Краснов-Власов: Воспоминания / И.А. Поляков – М.: Книга по Требованию, 2023. – 118 с.

ISBN 978-5-458-40461-7

Иван Алексеевич Поляков (1886 — 1969), генерал-майор Генштаба Русской императорской армии. Окончил Николаевское инженерное училище и два класса Императорской военной академии (в 1914 году). Участник Первой мировой войны. Во время гражданской войны воевал с Добровольческой Армией на Дону, был начальником штаба Донской армии. Выехал в Константинополь после победы большевиков, затем переехал в Югославию. Во время второй мировой войны был в непрерывном контакте с атаманом Красновым и генералом Власовым. После войны эмигрировал в Америку, умер в Нью-Йорке. Одна из самых интересных и еще совсем не исследованных до конца страниц русской истории: борьба генерала Власова и его армии с большевиками на стороне немцев в период Второй мировой войны. Поляков был непрерывно в контакте с обоими генералами с начала декабря 1944 года до марта 1945 года. Он пользовался их доверием и был в курсе всего, что касалось непростых отношений между генералом Красновым и Власовым. Беседы часто записывались автором, поэтому он приводит подлинный материал эпохи. Интереснейший материал, живое свидетельство одного из очень важных феноменов русской истории в эмиграции: власовского движения.

ISBN 978-5-458-40461-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

на Дону, во время Гражданской войны, в качестве его ближайшего сотрудника, а с А. А. Власовым, я не только сдружился, но и высоко ценил его, как человека необычайной силы воли, большого русского патриота, человека прямолинейного, решительного, всегда знавшего — чего он хочет.

Покинув в ноябре месяце Югославию и прибыв в Зальцбург, я, через три дня, во время одной бомбардировки, потерял все мои вещи и огорченный этим, уехал в Вену. Но мои мытарства только что начинались.

Здесь меня начал преследовать "Арбайтсamt", усиленно стремясь завербовать меня рабочим на фабрику, чему я, естественно, всячески противился. Еще сложнее обстоял вопрос с комнатой в отеле. Портъе ежедневно напоминал мне, что я могу у них оставаться не более пяти дней и, в противном случае, грозил полицией. Наконец, еще более суровым и требовательным оказался чиновник учреждения, ведавший продовольственными карточками, который категорически не желал выдавать мне таковые, пока я не принесу ему подтверждения, что я работаю.

Чувствуя свою беспомощность и бессиление бороться на три фронта, я решил обратиться за содействием в казачий штаб, о существовании которого в Вене я слышал, будучи еще в Югославии.

Благодаря любезности начальника штаба, ротмистра Андерсона и его помощника есаула Е., все житейские вопросы были быстро улажены. Штаб выдал мне особое удостоверение, каковое я предъявил в отеле, и оно вполне удовлетворило моего сурового и требовательного портье. Продовольственные карточки мне было предложено получать через казачий штаб.

Там, обычно, от раннего утра, до позднего вечера, был непрерывный, крайне пестрый, поток людей, весьма разнообразных, как по своему социальному положению, так и по профессии и званию. Большинство из них, надо сказать, не были казаками и, вообще, ни с какой стороны к Казачеству не принадлежали. Ими всеми руководило непреодолимое желание, во что бы то ни стало, попасть в Италию, где условия жизни, по сравнению с Германией, были несравненно лучше, а бомбардировки много реже и в значительно меньшем объеме. Так как получить обычную визу для въезда в Италию было почти невозможно, то оставался единственный путь осуществить свое намерение через казачий штаб. Ссылаясь на потерю документов, большинство из них стремилось как-то доказать свою кровную связь с Казачеством. Обычно, почти всем это легко удавалось. Получив

командировочное свидетельство для поездки в Италию, в казачий стан Доманова и, имея при этом возможность перевезти в казачьих эшелонах свое, порой чрезвычайно огромное имущество, многие, переехав границу, вместо стана Доманова, проникали вглубь Италии, где и устраивали свое личное благополучие. Естественно, что на этой почве широко процветало злоупотребление. Посещая штаб и встречая иногда моих друзей и знакомых, я постепенно входил в курс всего, что было связано с казачьим вопросом. Благодаря моему штатскому одеянию, я зачастую присутствовал при весьма откровенных разговорах рядовых казаков между собою, каковые, если бы я был в форме, я конечно бы, не услышал. Самая излюбленная тема была Власов и Русская Освободительная Армия (РОА). Здесь Власова расценивали, как народного вождя, ставили на высокий пьедестал и с уважением произносили его имя. Все надежды эти люди возлагали только на его армию, каковая в их воображении была многомиллионной и уже боролась на Восточном фронте, совершая чудеса храбрости, причем, красноармейские дивизии, будто бы, целиком переходили на ее сторону (* – *А на самом деле в это время ген. Власов сидел в одной вилле вблизи Берлина, окруженный караулом, и очень сердился, что немцы не назначают его командующим РОА и не разрешают начать формирование 1-ой дивизии*).

Но, если на эту тему велись разговоры в соседней комнате, где работали и собирались офицеры, то они обычно принимали очень острую форму прений. Одни были за Власова, другие – против.

Под впечатлением этого, в моем сознании невольно возникал вопрос – каково же отношение руководящих казачьих кругов к Власову и, в частности, отношение к нему П. Н. Краснова.

Примерно в конце ноября или в первые дни декабря меня посетил приехавший из Берлина мой старый друг генерал Н. Я был очень рад этой встрече, и в дружеской беседе он ориентировал меня о том, что происходит в казачьих кругах, а, в частности, и о работе Главного Управления Казачьих Войск в Берлине. Прощаясь со мной, ген. Н. спросил: "Отчего я не еду к Краснову?" На его вопрос, я ответил вопросом: "А зачем?", – и затем добавил: "Ты будешь видеть П. Н. Краснова, передай ему мой сердечный привет и скажи, что я оставил Югославию и сейчас нахожусь в Вене. Мой адрес известен Казачьему штабу".

Не прошло, мне помнится, и пяти дней, как я получил из Берлина, от Донского Атамана ген. Татаркина телеграмму, в которой он просил меня

немедленно прибыть к нему. Крайне заинтересованный причиной моего вызова я с первым поездом выехал в Берлин и на следующий день вечером, встретился с Донским Атаманом. Оказалось Атаман, узнав, что я находусь в Вене без дела, решил вызвать меня, чтобы обсудить некоторые казачьи вопросы. Была еще и другая причина. Ему предстояла неприятная встреча с П. Н. Красновым. Дело в том, что перед этим он был в Италии, где посетил донские полки и казачьи станицы. Эту поездку Атаман совершил отчасти вопреки желанию ген. Краснова, который считал ген. Татаркина исполняющим обязанности Донского Атамана (* – О ген. П. Х. Попове, который, как позже выяснилось, именовал себя Донским Атаманом, никто мне ничего не говорил и его имя вообще не упоминалось). Ген. Краснов признавал такой поступок недопустимым, ибо все казачьи части подчинялись ему, а потому написал Атаману не особенно приятное письмо и вызывал его к себе для объяснения. Последний, полагая, что мое присутствие, в известной степени, сможет смягчить гнев Петра Николаевича, просил меня сопровождать его к ген. Краснову.

Донской Атаман рассказал мне, что недавно в Праге происходило немногочисленное собрание казачьих представителей, преимущественно из Чехо-Словакии. На нем присутствовал и ген. А., сделавший заявление, что он по русской линии и генеральному штабу приглашен ген. Власовым на предстоящий съезд для выработки программы Комитета Освобождения Народов России. После долгих и горячих дебатов собрание уполномочило генералов А. и Б. представлять на этом съезде донских казаков. Позже мне стало известно, что когда об этом постановлении узнал ген. Краснов, он горячо протестовал, считая его незаконным. Как-то в беседе со мной коснувшись этого вопроса, Петр Николаевич сказал, что случайная небольшая кучка казаков не имеет права никого уполномочивать представлять собою Донское Казачество, а потому он не может рассматривать генералов А. и Б. представителями донских казаков в Комитете Власова.

Не могу сказать, чтобы миссия, предложенная мне ген. Татаркиным, особенно мне нравилась, но отказать Атаману я не считал возможным.

По его совету, я позвонил в Гл. Упр. Каз. Войск и просил дежурного штаб-офицера, передать по телефону ген. П. Н. Краснову, что я приехал в Берлин и прошу его, если возможно, принять меня завтра до полудня. Атаману была назначена аудиенция в 11 часов утра. Примерно через

полчаса, я получил ответ, что я могу приехать к 11 с половиной часам.

Петр Николаевич жил в предместье Берлина, около часа езды по железной дороге. На следующий день, мы отправились с таким расчетом, чтобы прибыть к нему несколько раньше 11 часов. Но поезд задержался в пути, и мы приехали лишь около 12 часов дня. Это обстоятельство весьма нам благоприятствовало в том отношении, что мы могли доложить одновременно о нашем прибытии.

Через минуту в дверях появился сам Петр Николаевич. Он поздоровался с нами и сказал: "Я знаю, что поезд запоздал и потому мне придется говорить с Григорием Васильевичем в Вашем присутствии Иван Алексеевич.

Я не видел Петра Николаевича ровно 21 год. Последняя наша встреча была во Франции, когда я работал совместно с ним у Великого Кн. Николая Николаевича. Время положило на него свой отпечаток. Он выглядел как-то меньше ростом, немного сгорбился, заметно было, что его обычно больная нога, давала себя еще больше чувствовать, и он ходил, тяжело опираясь на палку. Одет он был в военную форму.

Но как только Петр Николаевич заговорил, то я тотчас же убедился, что духовно он остался все тем же, как и раньше. Даже долгие годы, не могли поколебать ни его светлого ума, ни твердость духа. Та же красивая, мелодичная речь. Те же короткие, выпуклые, полные глубокого смысла, фразы. Совершенно правильные предпосылки и вполне обоснованные, логические заключения. Какой вздор или злобная клевета, думал я, все эти нелепые слухи его недоброжелателей, будто бы он впал в детство, плохо соображает, говорит одно и сейчас же забывает, другими словами: не способен уже ни к какой работе.

Наш разговор начался с того, что, задав мне несколько вопросов, касающихся моей личной жизни, Петр Николаевич перешел затем на главную тему — поездку Донского Атамана в Италию. Он долго и горячо упрекал Григория Васильевича, сильно волновался сам, ссылаясь на разные донесения, видимо, полученные им от ген. Доманова. Я напряженно ждал удобного момента, дабы задать Петру Николаевичу какой-нибудь вопрос и затем, незаметно, перейти на другую тему. Однако отвлечь внимание Петра Николаевича от Григория Васильевича было не так легко. Но, в конце концов, мы заговорили совершенно об ином. Так как подошло уже время обеда, то мы стали прощаться. Обратясь ко мне, Петр Николаевич сказал: "А

с Вами, Иван Алексеевич, мне не удалось побеседовать. Если Вы завтра свободны, то приезжайте ко мне раньше, останетесь у меня обедать, мне бы хотелось о многом с Вами поговорить". Я охотно принял любезное приглашение и обещал приехать завтра в 10 часов утра.

На следующий день, в точно назначенный час, я прибыл к нему. Петр Николаевич был в лучшем настроении, чем накануне и сегодня он был в штатском костюме.

Следуя своей старой привычке, он, предложив мне сесть, сразу же, не теряя времени, начал деловой разговор. Он довольно подробно расспрашивал меня о жизни в Югославии и о событиях там, а затем, узнав, что я далеко еще не в курсе образования казачьих групп и их организации, он коротко, но выпукло и ясно обрисовал мне картину выхода казаков из пределов Советского Союза, их тяжелый и временами опасный путь до границы Германии, создание казачьих полков, их применение и, наконец, устройство казачьего стана в Италии. Особенно восторженно говорил он о последнем, иллюстрируя свой рассказ многочисленными фотографиями, и подчеркнул, что там уже существует казачье юнкерское училище, кадетский корпус, намечено основание женского института, наконец, все небоевые казаки и их семьи сведены в станицы и прекрасно устроены на местах. Говоря о ген. Т. Доманове, как Походном Атамане этой группы, он дал ему, в полном смысле слова, блестящую аттестацию, как талантливого и умного человека, прекрасного организатора, честного и всецело ему преданного.

А в результате, вспоминаю я, этот честный и преданный генерал, обласканный Петром Николаевичем, кему он был обязан и своей блестящей карьерой и высоким положением, примерно, через полгода, позорно оставил своего благодетеля.

Предполагая, что после обеда Петру Николаевичу нужен отдых, я собирался уходить. Он задержал меня, выразив желание поговорить об общей военной обстановке. Военное положение мы рассчитывали диаметрально противоположно. В моем представлении Германия рисовалась уже катящейся в пропасть, куда могла втянуть и Казачество, и это свое опасение я высказал Петру Николаевичу. С такой точкой зрения он никак не хотел согласиться. Ссылаясь на существование у немцев еще не примененного, нового тайного оружия, а также на создание у них больших людских резервов (путем проведения мобилизации всего мужского населения), он надеялся, что военное счастье, быть может, еще повернет в их

сторону. Питал он также, хотя и слабую, надежду на возможность сепаратного мира с Англией.

На вопрос Петра Николаевича, что я намереваюсь делать и предполагаю ли служить, я ответил, что пока у меня нет никакого определенного плана, но прежде чем на что либо решиться, я считаю необходимым сначала основательно разобраться в общей обстановке.

Весьма было характерно, что за время нашего разговора, Петр Николаевич ни одним словом не обмолвился о существовании РОА и ген. Власова.

Выбрав подходящий момент, я сказал:

— Могу ли я спросить Вас, Ваше Высокопревосходительство, — каковы у Вас отношения с ген. Власовым?

— Никакие, — последовал сухой ответ.

— Видели ли Вы его когда-нибудь и знакомы ли Вы с ним? — задал я новый вопрос.

— Один раз я встретился с ним в частном доме, мы разговаривали, но больше я его не видел, — ответил Петр Николаевич.

— Верьте, Петр Николаевич, — сказал я, — что, спрашивая Вас, я руководился не простым любопытством, а гораздо более серьезными мотивами, — и я рассказал ему, какие разговоры я слышал о Власове и его армии, когда посещал казачий штаб в Вене.

Он выслушал меня с большим вниманием, но ничего не сказал.

Взглянув на часы, Петр Николаевич выразил сожаление, что уже так поздно, а у него еще много срочной работы. Затем, после небольшой паузы, он добавил, что его самого эта тема крайне интересует, и потому было бы желательно, чтобы, в один из ближайших дней, я опять посетил его и тогда мы всесторонне обсудим этот вопрос.

Прощаясь со мной, он спросил, был ли я уже в главном Управлении Казачьих Войск и познакомился ли с начальником штаба ген. Семеном Николаевичем Красновым (* — Его племянником). Услышав от меня, что я еще там не был, он просил меня сделать это как можно скорее.

— Мне бы хотелось знать, — сказал Петр Николаевич, — какое впечатление произведет на Вас штаб и его работа.

Обещав ему выполнить это, я поблагодарил Петра Николаевича за гостеприимство, причем мы условились, что через день я снова приеду к нему.

Вернувшись к себе в гостиницу, где жил и Донской Атаман, я передал ему в присутствии состоявшего при нем в качестве штаб-офицера для поручений полк. С. сегодняшний разговор с Петром Николаевичем. Одновременно просил Атамана поехать завтра со мной в Главное Управление Казачьих Войск. Он охотно согласился. Когда в моем докладе Атаману я затронул вопрос о ген. Власове, то он заметил, что существующая враждебность во взаимоотношениях генералов Краснова и Власова служит обычной темой разговоров между казачьей старшиной, и что одни склоняются к Власову, а другие — отстаивают позицию ген. Краснова.

В Главном Управлении Казачьих Войск, нас очень радушно принял начальник штаба ген. С. Н. Краснов. Меня он, как оказалось, хорошо помнил еще по Гражданской войне.

Наша беседа далеко не была последовательной и цельной. Ежеминутно мы перескакивали с одного предмета на другой, а Семен Николаевич, одновременно, в нашем присутствии, выполнял текущую работу и даже принимал доклады. В штабе нашлись мои старые соратники по Гражданской войне, и я несколько раз оставлял кабинет начальника штаба, желая переговорить с ними. В то же время, меня неустанно преследовала мысль как бы правильно и объективно описать завтра Петру Николаевичу мое первое впечатление о работе Главного Управления Казачьих Войск.

Обладая известным опытом в штабной работе, я заметил некоторые минусы. Всюду царила большая и совершенно ненужная суетолока. Некоторые посетители, штатские и военные, явно протестовали, громко говоря в коридорах, что они приходят сюда уже несколько дней подряд, но ни от кого не могут получить ни решения интересующего их вопроса, ни даже просимой информации. Все ссылались на начальника штаба, к которому попасть было очень трудно. Чрезмерную суетливость проявлял, прежде всего, сам Семен Николаевич. Он стремился входить во все детали, что крайне централизовало всю работу штаба и, тем самым, лишало его помощников возможности проявлять нужную инициативу. А как результат — излишняя перегруженность начальника штаба мелочами и торможение всей работы штаба. Но меня особенно поразило — присутствие в соседней с начальником штаба комнате, — штатского немца, д-ра Х. Он, в сущности, был первым и главным распорядителем в этом казачьем штабе, являясь бдительным оком и ушами пресловутого "Восточного Министерства" Розенберга. Не менее было интересно, что хотя Главн. Управление Казачьих

Войск подчинялось высшей немецкой инстанции по линии СС, тем не менее, ни одно распоряжение, ни один документ, выданный штабом, не был действителен, если на нем не стояла подпись д-ра Х. и немецкая печать, каковая хранилась у него.

При таком положении, начальник штаба являлся лишь номинальной фигурой, будучи в действительности, секретарем д-ра Х. и поминутно бегая к нему за всякой мелочью и разрешением. Не смею утверждать, но могу с достаточными основаниями предполагать, что одним из главных источников, откуда раздувалась вражда между Петром Николаевичем и Андреем Андреевичем, и был именно названный доктор. В его личные расчеты, видимо, не входило единение между Красновым и Власовым, ибо это привело бы к ликвидации его аппарата, как контролера всей работы штаба, а потому, влияя на Семена Николаевича, он через него искусно поддерживал враждебность П. Н. Краснова к А. А. Власову.

Только дней через десять, побывав уже несколько раз в штабе, я по просьбе Семена Николаевича познакомился с д-ром Х. Должен сказать, что он произвел на меня очень хорошее впечатление воспитанного, умного и образованного человека.

Ехал я к ген. Краснову, будучи озабочен мыслью, не изменил ли он своего намерения, продолжить наш разговор о ген. Власове. Петр Николаевич встретил меня словами: "Я знаю, что Вы уже были в Главном Управлении Казачьих Войск, и каково Ваше впечатление?"

Я коротко рассказал, что я видел, не упустив оттенить ненормальность положения начальника штаба, в своих действиях, всецело связанного и полностью зависящего от д-ра Х. Я ожидал, что Петр Николаевич согласится с моими доводами, но он обошел это молчанием и своего мнения не высказал. Позже, потом, я выяснил, что между ним и С. Н. Красновым с одной стороны и д-ром Х. с другой, существовала большая, тесная дружба, благодаря чему, значительно слаживалась острота этого вопроса.

Поблагодарив меня за доклад, Петр Николаевич, добавил, что хотя у него мало времени, однако он считает нужным осветить вопрос своих взаимоотношений с ген. Власовым.

— Прошлый раз, я сказал Вам, Иван Алексеевич, что у меня с ним нет никаких отношений, — начал свою речь Петр Николаевич, — а теперь добавлю, что я ему не верю.

— Но почему Петр Николаевич, — невольно вырвалось у меня.

— К этому есть много оснований, — ответил он.

Затем ген. Краснов начал говорить о том, что А. А. Власов, в своем "Манифесте" ни одним словом не обмолвился о казаках, видимо, умышленно не желая заявить, что за казаками остается неприкосновенность казачьих территорий и их казачьих порядков жизни. В этом случае, по его словам, являлось опасение, что, если Казачеству будет суждено вернуться на родную землю, то оно растворится в массе русского народа и от него не останется даже воспоминания. Дальше в своей речи он особенно подчеркнул, что иного и нельзя было ожидать от Андрея Андреевича, как человека, выросшего в коммунистической среде, своим высоким положением всецело обязанным этому режиму, мало знающего Казачество, и, видимо, имеющего слабое понятие о том, что Казачество, будучи лучшей частью русского народа, хотя и обладало известными льготами и привилегиями, но наряду с этим, оно несло и самую тяжелую военную службу. Затем, Петр Николаевич сказал, что предвидя это, он своевременно заручился от немцев особым письменным официальным заявлением, как бы гарантной грамотой, что при возвращении Казачества домой, за ним будут сохранены в полной неприкосновенности все казачьи права, территории, недра и весь уклад казачьей жизни. Продолжая разговор, Петр Николаевич, отметил также, что ген. Власов, не будучи еще официально Главнокомандующим РОА, уже теперь, о чем до него доходят слухи, предъявляет большие, но необоснованные претензии к Казачеству и высказывает требование о полном ему подчинении такового. С этим, он, конечно, согласиться не может. Известно ему и то, что штаб ген. Власова приступил даже к формированию казачьих частей и, надо полагать только из казачьих дезертиров.

— Разве это не напоминает Вам, Иван Алексеевич, — сказал Петр Николаевич — 1918 г., когда донские генералы Сидорин и Семилетов, перебравшись из Новочеркасска в Екатеринодар под крыльышко Добровольческой армии, оттуда забрасывали Донской фронт летучками, призывая казаков бросать позиции и пробираться в Екатеринодар на формирование донских полков. Вам же, главным образом, приходилось тогда бороться с этим злом.

Волнуясь еще больше, ген. Краснов дал резкую характеристику отношения штаба ген. Власова к казачьим дезертирам. По его словам, таковые находили там теплый, радушный прием и расценивались прямо

пропорционально тому, как они осуждали и клеветали на Казачество в целом, в частности на него лично. Не менее горячо говорил Петр Николаевич и об отношении прессы РОА к Казачеству, каковая, обычно, пестрит резкими и недопустимыми выпадами и против Казачества и против его командования, вызывая у казаков не только недоумение, но и оправданное негодование. Столь же резко оценил ген. Краснов и политику штаба ген. Власова. Он указал, что именно оттуда идут все интриги, имеющие целью дискредитировать его лично в глазах Казачества. Как пример он привел тот факт, что два донских генерала А. и Б. вошли в "Комитет Освобождения России" ген. Власова, и там им с умыслом придается значение, как официальным представителям Казачества.

— А кого они представляют, спрошу я Вас, — сказал Петр Николаевич.

— Они могли войти лишь персонально, но никаких казаков за ними нет, и потому они не могут рассматриваться как казачьи представители.

Ведя этот разговор, Петр Николаевич несколько раз открывал папку, желая документально подтвердить то или иное свое утверждение, но я под всякими предлогами отклонял, опасаясь на это потерять много времени и не докончить наш разговор.

С большим вниманием слушая ген. Краснова, я, однако, приходил к неуклонному выводу, что никаких веских причин или неоспоримых фактов, каковые оправдывали бы его отрицательное отношение к А. А. Власову, он мне не привел. Все им высказанное, базировалось или на каких-то слухах, или на предположениях, или, наконец, на донесениях "услужливых" лиц, но, благодаря своему таланту, Петр Николаевич, умел все эти мелочи мастерски нанизать одну за другой и все облечь во что то большое и важное. Скорее в его словах, временами, звучали нотки как бы личной, чисто субъективной неприязни к А. А. Власову. Но, хорошо зная Петра Николаевича, я не рискнул ему тогда высказать свое мнение, ибо это вызвало бы у него еще более настойчивое и упорное отстаивание его точки зрения. Считаясь с этим, я сказал, что все, что я сейчас слышал, является для меня совершенно новым, и что я никогда не предполагал, что со стороны ген. Власова и его штаба проводится такая странная и мне непонятная политика в отношении Казачества вообще, а в частности самого Петра Николаевича.

— А у меня была мысль, — продолжал я дальше, — поехать в штаб ген. Власова и познакомиться сначала с его начальником штаба, а затем с А. А. Власовым.